

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА /
THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS**

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.62.13>

**ЧУВСТВОВАНИЕ И ПРЕДЧУВСТВОВАНИЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МОДАЛЬНОСТИ В ДНЕВНИКОВОМ
ДИСКУРСЕ Л.Н. ТОСТОГО И ДЖ.Р. ФАУЛЗА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

Научная статья

Пугачева Е.Ю.^{1,*}

¹ORCID : 0009-0000-7708-3180;

¹Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (elena_pugacheva218[at]mail.ru)

Аннотация

Сочувствие и предчувствие заметно отличают выдающихся писателей. Умение распознать знак и правильно его истолковать дарует им глубинное знание, раздвигающее занавес будущего. В представленной статье предпринято обращение к дневниковому дискурсу Л.Н. Толстого и Дж. Фаулза с целью выявить лексико-стилистические особенности передачи интуитивного знания, расшифровки этих кодов, области их применения и сравнить степень эмотивной вовлеченности обоих писателей в свои предвосхищения. В работе проводится тщательный анализ обозначенных эмотивных вкраплений с помощью комплекса методов: дефиниционного, стилистического, интертекстуального, квантитативного, сопоставительного. Данный опыт приводит к выводу о том, что писатели – сверхчувствительный элемент общества. Их способность предвидеть реализуется на 3 уровнях знания: знаковом, условном, символическом. Переход к более интуитивному уровню знания сопровождается снижением метафоричности, наращиванием количественных показателей уверенности в собственной правоте.

Ключевые слова: знак, эмотивность, модальность, дневниковый дискурс, интерпретация, языковая картина мира.

**FEELING AND PREMONITION AS A MANIFESTATION OF MODALITY IN THE DIARY DISCOURSE OF L.N.
TOSTOY AND J.R. FOWLES IN A COMPARATIVE ASPECT**

Research article

Pugacheva E.Y.^{1,*}

¹ORCID : 0009-0000-7708-3180;

¹State University of Education, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (elena_pugacheva218[at]mail.ru)

Abstract

Empathy and premonition markedly distinguish outstanding writers. The ability to recognise a sign and to interpret it correctly gives them profound knowledge that pushes back the curtain of the future. In the presented article, a reference to the diary discourse of L.N. Tolstoy and J. Fowles is made in order to identify lexical and stylistic features of the transmission of intuitive knowledge, decoding of these codes, areas of their application and to compare the degree of emotive involvement of both writers in their anticipations. The paper thoroughly analyses the designated emotive inclusions with the help of a set of methods: definitional, stylistic, intertextual, quantitative, comparative. This experience leads to the conclusion that writers are a supersensitive element of society. Their ability to anticipate is fulfilled on 3 levels of knowledge: iconic, conventional, symbolic. The transition to a more intuitive level of knowledge is accompanied by a decrease in metaphoricity, an increase in quantitative indicators of confidence in their own correctness.

Keywords: sign, emotivity, modality, diary discourse, interpretation, linguistic worldview.

Введение

Сенсорика, сочувствие и предчувствие заметно отличают выдающихся писателей и поэтов. Умение распознать знак и правильно его истолковать дарует им некое глубинное видение, раздвигающее занавес будущего. Чувственное знание таких предвестников носит далеко «не хаотический или случайный характер, но в определенной мере подчинено действию направляющих сил. Ими являются основные конфликты эпохи: социальные, идеологические, политические, экономические, психологические, эмоциональные и пр.» [3, С. 6].

О чем говорят эти конфликты? Очевидно, о том, что где-то начался разлом устоявшегося, традиционного, принятого как приемлемое всеми членами коллектива. В таких условиях статичное положение вещей оказывается под угрозой, а следовательно, человечество должно произвести некоторое движение навстречу урегулированию дисбаланса и делать это с минимальными потерями, в том числе энергетическими и психическими. Именно прогностическая интерпретация имеющегося арсенала знаков оказывается наиболее релевантным компонентом для создания особого климата (эмотивного заряда) или, другими словами, люфта, модального потенциала возможного развития событий. Известный нейрофизиолог, клинический психолог Л.Ф. Барретт пишет: «... наиболее важная миссия мозга – предсказывать энергетические потребности тела, чтобы остаться в живых и хорошо себя чувствовать. Эти прогнозы и соответствующие прогностические ошибки оказываются ключевым компонентом для создания эмоций» [1, С. 81]. Таким образом, при отсутствии эмотивного отклика человечество может исчерпать ресурс собственного существования. На наш взгляд, именно эмоционально-чувственная составляющая должна стоять на первом месте указанного списка конфликтов.

Мыслители умеют создать резонанс заблаговременно. Не зря говорят, большое видится на расстоянии. Первые отголоски стратегических подвижек они смутно выкладывают на бумагу, где в уединении могут поразмыслить над возможностями грядущих изменений. Как известно, дневниковый дискурс посвящен выражению и формированию эмотивного ряда. Основной посыл «тетради для самого себя» и есть вербализация всего спектра (не)проявленных эмоций. Примечательно, что центральным героем дневникового дискурса является не вымышленный протагонист, но живой человек – сам писатель с его реальными проблемами, страхами, переживаниями. Сейчас ученые установили, что именно негативные эмоции, как отклоняющиеся от ожидаемой нормы, являются двигателями социальной реальности [1, С. 51]. Сформировав определенные ожидания, обличив свои эмоции в слова, писатели фактически начинают корректировать внутреннюю модель мира, придавая особый смысл каскаду будущих событий.

Возникает закономерный вопрос: какими лексико-стилистическими средствами происходит фиксация этих резонансных вкраплений?

Методы и принципы исследования

Цель исследования – определить лексико-стилистические средства передачи интуитивно-эмотивного знания, области его применения и сопоставить степень уверенности писателей в своих убеждениях. Объектом исследования выступают отрезки дневникового дискурса, посвященные предчувствованию с ярко выраженной модальностью. Предмет исследования – способность вербализованного слова охватить множественность интерпретаций и сигнальных систем.

Поставленная цель требует пошаговое решение следующих взаимосвязанных задач и целого комплекса методов:

- 1) методом сплошной выборки определить отрезки дневникового дискурса, посвящённые описанию предчувствованию;
- 2) методами дефиниционного и лексико-стилистического анализа определить функции этих отрезков и модальность их эмотивной составляющей;
- 3) методом интертекстуального анализа расширить зону поисков и найти точки соприкосновения между видениями обоих писателей;
- 4) методом сравнительно-сопоставительного анализа оценить полученные результаты и предложить свою интерпретацию выводного знания.

Материалом исследования послужили дневниковые и мемуарные тома как самих писателей, так и их приближенных [2], [9], [10], [11].

Основные результаты

Проведенный анализ фиксирует высокую частотность использования особого вида метафорических концептов, не структурирующих один концепт в терминах другого, а организующих один концепт в категориях другого. Это происходит от того, что необъяснимо-смутное описывается и взаимодействует с реальным в условиях пространственно-ориентационных образований. Они не самопроизвольны, но основаны на физическом и психическом опыте с соответствующими эмотивными откликами. Такая вариативность от культуры к культуре вызывает острую необходимость обращаться к социальному контексту прежде, чем трактовать абстракции. В нашем случае Дж. Фаулз – представитель современной Западной цивилизации – проявляет себя как человек, способный вырваться из толпы, стать побудителем-пионером. Л.Н. Толстой в начале творческого пути проявляет себя больше как представитель восточно-славянской культуры, в которой приветствуется отождествление себя с коллективом, но в дальнейшем (как мы знаем из дневников, после длительного путешествия по Европе, общения с практикующими буддистами, отход от собственной конфессии) проявляет себя как лидер-глобалист, то есть объединяющий в себе оба вида эмоционального поведения. Не будем забывать и о социальных ролях, внутри каждой из которой сформированы детально разработанные понятийные категории, о чем свидетельствуют выявленные обширные ЛСП.

Обсуждение

В статье предпринято обращение к дневниковому дискурсу Л.Н. Толстого (1828 – 1910) и Дж. Фаулза (1926 – 2005). Изучение их жизней и судьбоносных событий позволили выявить следующие параллели:

- 1) оба имели сложные отношения с матерями и женами;
- 2) оба долго искали себя сначала в юридической области, потом - в военной и педагогической областях, активно интересовались научными достижениями и путешествиями;
- 3) поздно пришли к делу жизни – писательству;
- 4) оба имели противоборствующие отношения с Властью;
- 5) оба имели команду единомышленников и последователей при жизни;
- 6) оба страшлись похвал и внимания общественности;
- 7) оба прожили по 80 лет.

Можно долго перечислять совпадения в их жизнях, а можно обратиться к первоисточникам и осознать, что их к этому привело. Более того, межкультурные исследования позволяют пересечь культурно-религиозные границы, чтобы более объективно взглянуть на дельту выявленных эмотивных откликов.

Начнем с первых упоминаний о знаках: *Есть во мне что-то, что заставляет меня верить, что я рожден не для того, чтобы быть таким как все. Отчего это происходит? Несогласие ли – отсутствие гармонии в моих способностях, или действительно я чем-нибудь стою выше людей обыкновенных? Я стар – пора развития или прошла, или проходит; а все меня мучат жажды ... не славы – славы я не хочу и презираю ее; а принимать большое влияние в счастье и пользе людей* [9, С. 88].

Данная запись прозвучала в дневнике Льва Николаевича 29.03.1852 (ровно за 74 года до рождения Дж. Фаулза). В представленной выдержке выстраивается оппозиция прогрессивного молодого человека закоснелому обществу: *не такой как все \ несогласие \ отсутствие \ стою выше \ людей обыкновенных*. Череда определений, отличающих по

внутренним устоям, устремлениям выделяет масштабность личности Толстого. Модальность его сомнений сквозит в череде вопросов, выраженных излюбленным многими писателями приемом – потоком внутренней речи, внутреннего диалога, цепных повторов. Однако ощущение его далеко не спокойное, но агрессивное, что вербализуется аллитерированным фрикативным [p] – «по[p]а [p]азвития [p]рошла», «я ста[p]» – и это в 24 года! Примечательно, что постпозиция определения в словосочетании *людей обыкновенных* отражает отношение пишущего к окружающим как к предмету пристального изучения, некий псевдонаучный подход (ср. *homo erectus*). Обращает на себя внимание тот факт, что, стоя выше других, имея иные ориентиры, Толстой применяет свои таланты в отношении практического имплементирования *счастия* для всех. Именно устаревшая форма слова добавляет ему пиетет и значимость как в глазах самого писателя, так и современного реципиента. Заметно выстраивается лексико-семантическое поле (далее ЛСП) с ядром «чрезмерность»: *выше, жажды, слава, большее влияние*. Отметим также прилагательные в сравнительной степени.

Л.Ф. Барретт пишет: «каждый раз, когда мы испытываем эмоцию, мы осуществляем категоризацию с помощью неких понятий, придавая смысл ощущениям от всех пяти чувств» [1, С. 103]. Поэтому они могут быть несколько «разнокалиберными», но объединённые единой целью. Фактически, эти пучки эмоций можно описать в терминах концептологии, где под концептом понимается «совокупность идей и ассоциаций, схваченных знаком» [5, С. 11-22]. Вот почему в начале статьи мы обозначили чувственную сторону писательского таланта как наипервейшую и наименее значительную.

Как приходит Фаулз к пониманию собственной значимости?

[Thr]lee days [r]unning, a [r]ed ladybird lands on my desk in spite of the cold weather. The super[st]i[t]ion [st]ill vaguely make[s] i[ts]elf felt [11, С. 10].

Суеверия и приметы идут рука об руку в периоды сомнения и томящегося ожидания: Superstition – a belief which is not based on reason or fact but on old ideas about luck, magic. Although most British people do not consider themselves to be superstitious, people still mention a lot of them. If smn spills salt they sometimes pick up a small amount of it and throw it over their left shoulder to avoid bad luck. When we talk about sth good that they hope will happen, they often say "knock on wood" or "keep your fingers crossed for me" to make sure that it does happen [12, С. 1358]. Этимологический анализ ЛЕ happen, которая является ключевой в приведенном определении, позволяет установить, что оно произведено от основы hap, заимствованной из древнескандинавского в 13 веке, что в свою очередь заимствовано из древнеирландского, где оно обозначало «победа». Первые предчувствия поэтов и писателей традиционно связаны с собственным творческим успехом: слава и принятие обществом.

Троекратие повторяющегося чуда, представленного через инверсию, – на письменный стол как указующий божий перст садится божья коровка, издревле считающаяся знаменем удачи и наделенная правом снимать любые обвинения [6]. Соприкосновение с необъяснимым – отсутствие соответствующего сезона для подобного явления – дает начинающему автору надежду: о ней он готов кричать всему свету, о чем явственно свидетельствует тот же, что и у Л.Н. Толстого аллитерированный звук [r], но, будучи суеверным, приглушает его через звуко сочетание [st].

Не только знаками Провидения Фаулз стремился предсказать Судьбу, но и собственными усилиями. Он в буквальном смысле покорял Парнас – обитель муз и поэтов [6, С. 483]: *Ascent of Parnassus. I wanted to climb Mount Parnassus, the Poets' mountain, to have conquered it physically and thus symbolically <...> Even I was fired to record. I wrote on a piece of paper, "John Fowles, 4 July 1952, <...> alone with the Alpine swifts and the Muses' <...> But Parnassus was mine; and the other if I try enough – "By which I meant literary fame, success", it is from this ascent that I date some real first belief in myself as a writer. Not, needless to say, from any evidence of writing skill, but sensing some quirk of age...* [11, С. 10].

Он оставил свое имя в вечности гор и загадал, что, если сумеет в одиночку достигнуть вершины Парнаса, то и метафорически преодолет все препятствия на пути к становлению писателем. Отметим, что Лев Николаевич также имел привычку «загадывать на пасьянсах и различных мелочах, о том «как ему поступить?» или «что будет?». Если этот пасьянс выйдет, то надо изменить начало. Или: если этот пасьянс выйдет, то надо назвать ее ... – но имени не говорил» [2, С. 130].

Как показал проведенный этимологический анализ ЛЕ «Парнас», оно восходит к арийскому корню *parna*, что переводится как *перо*. Парнасом звали героя, который пророчил по полету птиц. Каково же символическое значение этой лексической единицы? Прежде всего перо ассоциируется со знаком богини справедливости и правды Маат. Как известно, после смерти египтянина на судилище его Душа ставилась на одну чашу весов, а перо правды – на другую. Безгрешность не отягощала и давала проход в сладостный мир безвременья. Может, поэтому писатели изначально пользовались пером, чтобы отображать лишь правду? Само обращение к птицам ассоциативно направляет наши размышления в *горный мир*, где духовность, нравственность и изобилие рождают счастье. И да! Поэты и писатели часто изображаются как оторванные от земных реалий люди, те, что как будто не по одной с простыми гражданами земле ходят; те, что парят в своих воображаемых мирах, видя пальмовую ветвь, как знак обетованности. Сами письма писателей часто называют *птичьи следы*. Внешнее сходство испещренных мелким почерком листов с многочисленными знаками создает подобную образность. Да и пишут они о том, что неизвестно, откуда получено. Не зря говорят, «Сорока на хвосте принесла» или "A little bird told me", то есть птица становится знаком свыше, как апостол, посланник небес: *ὁ ἀπόστολος* (apostolos) по-древнегречески значит *посланник, вестник*.

Фаулз, также как и Толстой, формирует ЛСП с ядерной единицей «выход за ограничения»: *подъём, восхождение, победа, взмывать, развитие, эволюция* и т.д. Известно, что метафоры, связанные с возвышенностями, отражают все, что нас радует, окрыляет, заставляет одухотворяться [4, С. 37]. Отметим также высокую степень пересечения указанного ЛСП с ЛСП «война»: *conquer – to take sth by force; win by war; defeat enemy; be victorious over sth; to gain control over sth difficult or unfriendly; to succeed in gaining the praise or attention* [12, С. 271].

Примечательно, что Фаулз указывает дату события – 4.07.1952. Этот день ассоциируется с подписанием Декларации о независимости США [6, С. 138]. В жизни Фаулза наступил аналогичный период, ознаменовав собой (quirk of age) некоторую победу, конец метаний, бедности, зависимости от работодателей или удачного стечения обстоятельств. Таким образом, мы можем констатировать смещение эмотивного модуса из зоны «неприятной валентности с сильным возбуждением, когда пишущий расстроен и страдает» в зону «приятной валентности со средним возбуждением, когда пишущий удовлетворен и доволен» [1, С. 89].

Следующим уровнем сенсорики нами определен уровень поэтично-словесного знания. Согласно статистическим данным, он более частотен по сравнению с единичными случаями знакового уровня. Приведем пример: *My two aims in poetry: 1) to find a way through to the heart; 2) to put pressure on words. As regards the first: the direct appeal is no go. The approach is by some other, more devious route. Analogy with climbing...* [11].

Поэзия – метафорически превращается в «путь к сердцам», слова – в инструмент воздействия, стихотворение – в аналог подъема на Парнас (по степени сложности и вложения усилий, а также по ощущениям от покорения), в чем мы усматриваем своего рода градацию. На это указывает ЛЕ *devious* – not going in the straightest way [12, С. 352]. Образность и звучание формируют более глубокое содержание, чем слышит непоэтическое ухо. Разберем поэтические строфы, зафиксированные в дневниковом дискурсе.

*When you receive a letter in 1963.
Which seems to bear a postmark 1954.
Why do you cry? No, No, No!
Why this sudden fear?
Life has its [m]ea[ning] – i[n] the [m]o[m]ent.
Beyond the present nothing can exist.
Reality we hold – is here.
Not back in time
Or times that are not now
Then why this sudden fear?
The figure on the skyline waits.
One day you'll doubt
Look up and see that reality
Is never held
But only imagined when it's past.
So why this sudden fear? [11, С. 548]*

В представленных строфах видим уже не томящегося в ожидании начинающего творца, но опытного мастера слова. Он убедительно и последовательно задаётся серией вопросов, которые на его нынешний взгляд несут лишь риторический характер: «К чему все эти страхи? Зачем бояться неизбежного?». Мы так долго предвкушаем страшного и так быстро забываем о нем, пережив. Здесь чувственность формирует ЛСП с ядерным компонентом «Время». Сюда относятся подчеркнутые ЛЕ, числительные, различные грамматические аспекты, плавно сменяющие друг друга из прошлого в настоящее и будущее, которые снова становятся чьим-то воспоминанием, метафорически сравниваемым с почтовой открыткой с просроченной маркой. Мгновенность происходящего подчеркивается многократным повтором отрицательной частицы "No, No, No!". Ономотопично оно уподобляется звуку занятой абонентской линии. Примечательно, что во всех случаях вербализации пространственно-временных ситуаций находится некий носитель информации: будь то телефон, птица, насекомое или конверт, то есть некий «мостик», некое диалогическое начало.

С синтаксической точки зрения, поэтический текст также строится как прямой диалог с тем, кем сам Фаулз был тогда на Парнасе. Отправляя столько поддержки себе в прошлое, он вербализует более уверенный в своей правоте модальный фон, о чем ярко свидетельствует сниженный метафорический заряд. Все некогда смутные, слабо очерченные элементы вдруг обрели явственный образ, номинируются конкретными словами, которые повторяются именно для того, чтобы придать буквальности значения. Развитость чувствования достигает высшего уровня и звучащий рефреном вопрос сначала воспринимается как вопрошание, потом как поддержка и в конце – как помин прошлого. Страхи со временем кажутся линзой детского мировосприятия. Отзвук вопроса эхом сквозит сквозь эпохи, состыковывая связь поколений.

Переходим к рассмотрению дневникового дискурса Л.Н. Толстого: *Мне казалось, что я подсмотрел то, что никто никогда не имеет права видеть: зарождение таинственного цветка поэзии:*

*Когда же, когда, наконец, перестану
Без цели и страсти свой век проводить,
И в сердце глубоко чувствовать рану,
И средства не знать, как ее заживить.
Кто сделал ту рану, лишь ведает Бог,
Но мучат меня от рожденья,
[Гр]ядущей ничтожности [гор]ький залог,
Томящая [гр]усть и сомненья [9, С. 145].*

Так же, как и Фаулз, юный Толстой-поэт задается вопросами, страдает, мучается. ЛСП «времени» и тщетности его препровождения томит страждущее сердце: все его раненое естество обращено в будущее и стремится узнать его, предчувствовать. Как показал проведенный лексико-стилистический анализ, наиболее частотными средствами вербализации эмотивности являются: обособления, риторические вопросы, случаи использования скобок – как вход в подтекстовое пространство, упоминание имен собственных и топонимов, большое количество номинативных частей

речи, метафор, эпитетов, аллитераций. Такое языковое своеобразие сигнализирует о созерцательной природе личности писателя, много внимания обращается на оттенки собственных переживаний (*ничтожности горький залог, томная грусть и сомненья*), ощущений (*без цели и страсти свой век проводить*) и мыслей (*кто сделал ту рану*). Принцип изложения действительности в дневниковом дискурсе вызывает доверие читателей, оно – психологически убедительно, способствует интимизации повествования, проявлению личностного начала. Внутренний диалогизм записей, их исповедальный характер, дискретность и фрагментарность изложения, многочисленные интертекстуальные вкрапления, иррационализм, автопсихологизм, мифологизация и игра масок, стремление к автометаописанию собственного бессознательного, стремление взглянуть на себя изнутри и со стороны и прочие возможности указанного жанра делают дневники чрезвычайно интересным объектом исследования для лингвистов, литературоведов, историков, психологов, культурологов, социологов и проч.

Не меньшее влияние, чем стихи, оставило и безостановочно работающее подсознание писателя. Чуткая связь явного с непрявленным помогает поэтам осваивать реальность. Количественный метод исследования позволил установить наибольшую частотность указаний в дневниках обоих писателей этот канал информации – сновидения. Условно обозначаем его «символическим».

С незапамятных времен люди видели сны и пытались их расшифровывать. Трудно изучать то, чего фактически нет. Именно это можно сказать о работе со сновидениями. Де-факто они существуют лишь в сознании индивида: там возникают, сохранены и сокрыты. Они, также как и эмоция, всего лишь «творение мозга из того, что означают телесные ощущения, связанные с происходящим в мире вокруг сновидца» [1, С. 42]. Фактически, мы являемся архитекторами собственных переживаний, которые, в свою очередь, являются источниками сновидческих симуляций [1, С. 72]. Разберем некоторые примеры:

Dream. I had 2 distinct major themes; and dimly recalled them when half awake. But what the themes were, I do not know. (These last two days the dreams have been difficult to remember. Therefore significant; the unconscious guards its secrets? As mysteries?) Very obscure. I am with a group of people, standing near railway lines; there is a high pole fence on either side. Everyone seems worried a horse cannot jump the fence, because there is another fence too close to it. (I soon afterwards saw newsreels of the International Horse Show.) A train passes. A black square satchel falls; it has a lamp and flags inside. It evidently belongs to the guard. The guard appears. He has jumped off the train. We walk away? (Only very vaguely remembered.) [11, С. 416].

Сны Дж. Фаулза, которых встречается заметное количество на страницах дневников, можно квалифицировать по следующим ЛСП: школьные, эротические, сны-иллюзии, утраченные сны, сны о собственных книгах, философские, сны о взаимоотношениях с близкими, предвосхищающие. Сны Фаулза нередко сбывались, что позволяет говорить о пророческих снах. Предвосхищение событий происходило как в эмоциональном состоянии во время сна, так и в увиденных символах. В снах Фаулз предвкушал собственный литературный успех, прорабатывал сюжеты произведений, предвидел совместное будущее с собственной женой, примирение с родителями, которых он долго не понимал и отвергал. За счет повышенной образности Фаулз уводит часть текста в подтекст.

О каких грезах свидетельствует дневниковый дискурс Л.Н. Толстого?

Видел странный сон о Митеньке. Мне было что-то вроде откровения. Мне ясно было существование души, бессмертие ее – (вечность) – двойственность нашего существования и сущность воли. Свобода сравнительна: в отношении материи человек свободен, в отношении бога – нет. Ныне 22.12 меня разбудил страшный сон – труп Митеньки. Это был один из тех снов, которые не забываются. Неужели это что-нибудь значит? Я много плакал после. ЧУВСТВА ВЕРНЕЕ ВО СНЕ, ЧЕМ НАЯВУ. Ложное рассуждение возбуждает поэтическое чувство [9, С. 77].

Отметим, что это первое вхождение подобного интертекста в дневниках: 4 года спустя после начала ведения. Сон имеет две характеристики: мистически (см. подчеркнутые ЛЕ) и страшный (труп горячо любимого брата). Он потряс сновидца настолько, что вызвал бурю эмоций: от глубочайшей печали до поэтической восторженности. Вторя рассуждениям Фаулза, Толстой видит раздвоенность, но, будучи глубоко верующим на тот момент, Толстой формулирует ее в антитезах *человеческое – божественное, конечность жития – вечность сущего*. Метафорический анализ приведенного отрывка позволяет заключить, что именно *пограничность* является тем состоянием, что влечет за собой знаковые инсайты. Вспомним иные виды упомянутых пограничностей: между небом и землей, между творческой \ воображаемой и реальной реальностью. С точки зрения реализации, изучаемый сон также имел конкретное воплощение: смерть близкого и бесконечность страдания. Тот же водоворот риторических вопросов, пунктуационное выделение потока речи, имя собственное с уменьшительно-ласкательным значением, что свидетельствует о близкой связи с братом и как подытоживание – «во сне чувства вернее», т.е. сенсорика более открыта, острее. И как оказался прав Лев Николаевич: спустя много лет он свидетельствует смерть брата Дмитрия, умиравшего практически на его руках, да и смерть сына Митеньки (названного в честь брата долгожданного горячо обожаемого ребенка) вторила этим отдаленным событиям.

Заключение

В начале творческого пути обоих изучаемых писателей наблюдается повышенная модальность сомнений, лексически вербализуемая чередой риторических вопросов, цепных повторов, внутренними диалогами и излюбленным многими писателями приемом – потоком внутренней речи. Примечательно, что при этих эмоциональных всплесках ими осуществляется категоризация с помощью концептуальных метафор, передающих ощущения от всех чувств. Нами зафиксированы следующие тесно переплетающиеся ЛСП «высота», «война», «мистика», «выход за ограничения», «время», «превосходство». Эти поля, безусловно, разнокалиберные и несопоставимые, но у них имеется центральная точка пересечения – ЛСП «счастье \ победа \ покорение», что в нашем случае можно интерпретировать, как «становление востребованным писателем».

Отмечается кумуляция многих разноуровневых стилистических средств: фонетических, грамматических (употребление сравнительной степени прилагательных, глаголов в разных временных формах), кодифицирующих – выход на иные знаковые системы, что подтверждает расширенный модус эмотивности.

Примечательно, что во всех случаях вербализации пространственно-временных ситуаций находится некий носитель информации: телефон, птица, насекомое или конверт, то есть некий мостик из прошлого, некое диалогическое начало. Сама форма дневникового дискурса приобретает черты «статистического научения» – как у новорожденного ребенка, когда чувствование и предчувствование формируют «мостики» между сенсорикой и окружающей реальностью. Установлено, что модальная рамка формируется от постепенного отказа от зоны комфорта, вступление в модальность страхов \ иллюзий \ сомнений, через зону становления и обучения в сторону роста новой ступени комфорта в обогащенной действительности, то есть четко выделяется дихотомический характер развития. С одной стороны, реализуется функция документальности, фактологичности, объективности повествования. С другой – воздействующей функцией, что реализуется в оценочности, эмоциональности и полемичности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Даниленко И.А., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.62.13.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Danilenko I., Belgorod state national research university, Belgorod, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.62.13.1>

Список литературы / References

1. Баррет Л.Ф. Как рождаются эмоции. Революция в понимании мозга и управлении эмоциями / Л.Ф. Барретт; пер. с англ. Е. Поникарова. — М.: Литрес, 2018. — 347 с.
2. Кузминская Т.А. Моя жизнь дома и в ясной поляне / Т.А. Кузминская. — Приокское книжное издательство, 1973. — 511 с.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста: учебник / В.А. Кухаренко. — М.: ФЛИНТА, 2019. — 316 с.
4. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Д. Лакофф, М. Джонсонод; ред. и предисл. А.Н. Баранова. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
5. Петришина Е.Ю. Концепт «Change/изменение» в английской лингвокультуре XIX века (на материале романа Дж. Фаулза «The French Lieutenant's Woman») / Е.Ю. Петришина. — М.: Издательство МГОУ, 2010. — 186 с.
6. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики / В.В. Похлебкин. — М.: Междунар. отношения, 2001. — 560 с.
7. Пугачева Е.Ю. Особенности вербализации эмоциональной составляющей социальной роли «патриот» в дневниковом дискурсе Л.Н. Толстого и Дж. Фаулза в сопоставительном аспекте / Е.Ю. Пугачева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. — 2019. — № 2. — С. 188–198
8. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под. ред. М.Н. Кожинной; редкол.: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 696 с.
9. Толстой Л.Н. Дневники 1895 — 1910 гг. / Л.Н. Толстой // Собрание сочинений в 20 томах / Под ред. Н.К. Гудзия. — М.: Художественная литература, 1965. — Т. 19. — 670 с.
10. Фаулз Дж. Дневники 1949–1965 / Дж. Фаулз. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. — 860 с.
11. Fowles J. The Journals Vol.1 / J. Fowles; ed. by Ch. Drazin. — London: Vintage Classic, 2004. — 668 p.
12. Longman Dictionary of English Language and Culture. — Harlow: Longman, 4th impression, 2000. — 1568 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Barret L.F. Kak rozhdayutsja jemocii. Revoljucija v ponimanii mozga i upravlenii jemocijami [How emotions are born. Revolution in understanding the brain and emotion management] / L.F. Barrett; transl. from Eng. by E. Ponikarov. — M.: Litres, 2018. — 347 p. [in Russian]
2. Kuzminskaja T.A. Moja zhizn' doma i v jasnoj poljane [My life at home and in Yasnaya Polyana] / T.A. Kuzminskaja. — Priokskoe Book Publishing House, 1973. — 511 p. [in Russian]
3. Kuharenko V.A. Interpretacija teksta: uchebnik [Text interpretation: textbook] / V.A. Kuharenko. — M.: FLINTA, 2019. — 316 p. [in Russian]
4. Lakoff D. Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors We Live By]: Transl. from Eng. / D. Lakoff, M. Dzhonsonod; ed. and prefaced by A.N. Baranov. — M.: Editorial URSS, 2004. — 256 p. [in Russian]
5. Petrishina E.Ju. Koncept "Change/izmenenie" v anglijskoj lingvokul'ture XIX veka (na materiale romana Dzh. Faulza "The French Lieutenant's Woman") [Concept "Change/change" in the English linguoculture of the XIX century (on the material of J. Fowles' novel "The French Lieutenant's Woman")] / E.Ju. Petrishina. — M.: Publishing House MSOU, 2010. — 186 p. [in Russian]
6. Pohlebkina V.V. Slovar' mezhdunarodnoj simvoliki i jemblematiki [Dictionary of International Symbols and Emblems] / V.V. Pohlebkina. — M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2001. — 560 p. [in Russian]
7. Pugacheva E.Ju. Osobennosti verbalizacii jemocional'noj sostavljajushhej social'noj roli "patriot" v dnevnikovom diskurse L.N. Tolstogo i Dzh. Faulza v sopostavitel'nom aspekte [Features of verbalization of the emotional component of the

social role "patriot" in the diary discourse of L.N. Tolstoy and J. Fowles in the comparative aspect] / E.Ju. Pugacheva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics]. — 2019. — № 2. — P. 188–198 [in Russian]

8. Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka [Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language] / Edited by M.N. Kozhina; editors: E.A. Bazhenova, M.P. Kotyurova, A.P. Skovorodnikov. — M.: Flinta: Nauka, 2006. — 696 p. [in Russian]

9. Tolstoj L.N. Dnevniky 1895 — 1910 gg. [Diaries 1895 – 1910] / L.N. Tolstoj // Sobranie sochinenij v 20 tomah [Collected Works in 20 Volumes] / Ed. by N.K. Gudzija. — M.: Fiction Literature, 1965. — Vol. 19. — 670 p. [in Russian]

10. Fowles J. Dnevniky 1949–1965 [Diaries 1949–1965] / J. Fowles. — M.: AST: AST MOSCOW, 2007. — 860 p. [in Russian]

11. Fowles J. The Journals Vol.1 / J. Fowles; ed. by Ch. Drazin. — London: Vintage Classic, 2004. — 668 p.

12. Longman Dictionary of English Language and Culture. — Harlow: Longman, 4th impression, 2000. — 1568 p.